

УДК 930.2

А.А. Савков

Схема социальной динамики и концепция «всемирной истории» Н.А. Рожкова

Переломный для российской исторической науки период конца XIX – начала XX в. стал временем критического переосмысления устоявшихся взглядов на схему, характер и движущие силы общественно-исторического развития. В первую очередь это было связано с проявившимся кризисом старой концепции однолинейного культурно-исторического прогресса, всецело доминировавшей в XIX веке. Подвергнутая существенному сомнению еще тогда представителями социально-философской мысли (Н.Я. Данилевским, К.Н. Леонтьевым), она была окончательно отвергнута в работах ряда более поздних авторов, каждый из которых дал свое индивидуальное и зачастую неоднозначное видение проблемы. К числу таких имен правомерно отнести и имя Н.А. Рожкова (1868–1927), чьи исторические взгляды обладали чертами, делавшими их уникальными и достойными отдельного внимания. Выдающийся историк и социолог, интеллигент с активной социальной позицией, у которого изучение прошлого тесно переплеталось с политической работой в настоящем. Выработанная им историческая концепция не только удовлетворяла теоретико-методологические устремления (поиск закономерностей), но и давала ключ к пониманию задач, выдвигаемых развитием России (и не только) и на основе решения их толкала к участию в политической жизни. Концепция, включив в себя элементы позитивизма и марксизма, одновременно стала ответом на идею однолинейного развития, всемирно-исторической точке зрения, свойственной как социологии О. Конта, так и формационному подходу К. Маркса. Нацеленная на выявление общих исторических законов, она содержала идею особого и даже более чем специфического их воздействия на судьбы отдельных народов.

История изучения концепции Рожкова не была простой. Дореволюционные ученые обращали внимание лишь на некоторые сюжеты – отдельные моменты методологии, проблемы исследований хозяйства Московской Руси. Первые попытки полноценного изучения были предприняты в ранней советской историографии, в очерке исследователей (М.В. Нечкиной, В.И. Невского), пытавшихся доказать близость его взглядов к марксизму. Но в целом концепция стала объектом критики советской науки. Основой послужили слова В.И. Ленина «Рожков заучил ряд положений марксизма, но не понял их» [1]. Предвзятые оценки содержались в работах А.Л. Сидорова, Р.А. Авербуха, А. Петровой, Н.Л. Рубинштейна, стремившихся принизить статус концепции. Дублировали подобные суждения и советские учебники 60–70-х гг. XX в. (В.Е. Иллерицкого, А.Н. Сахарова). Объективное постижение концепции остается актуальной задачей, предопределившей написание статьи, особенно ввиду слабой изученности роли Рожкова как исследователя истории не только русской, но и всеобщей.

Концепция Рожкова создавалась параллельно с его социологической схемой. Поэтому был выдвинут аргумент против версии о полной обусловленности исторических изысканий заранее сформулированными социологическими гипотезами. В его работах заметно неприятие «дедукции из заранее принятой мысли», «элемента произвола» [2]. Целью предложенной концепции являлось максимальное сближение модели и «прототипа» посредством детальной проработки исторического материала. Попытки сближения проявились в делении социологии на два учения – о социальной статике (изучение общества в состоянии покоя) и социальной динамике (в состоянии развития). «Статика» сводилась к делению общественных явлений на явления природные, хозяйственные, социальные, политические, явления духовной культуры [2,

с. 175]. Важнейшее значение имело выявление причинной связи между категориями (эволюционными процессами) на основе идеи единства мира, монизма, объясняющего исторические закономерности путем выделения центрального фактора, исключительно воздействующего на все остальные. Стремление дистанцироваться от теории географического детерминизма придало природному фактору статус вспомогательного и теряющего свою силу по мере развития [2, с. 169]. Главная роль отводилась хозяйственной жизни, в которой энергия природы превращается в энергию общественной жизни [3]. Экономические явления признавались наименее зависимыми, лишь частично определяющимися естественными условиями. Теория статике оставалась далекой от марксистских взглядов. Акцент делался не на рост производительных сил, а на формы хозяйства и распределения благ [4]. Рожков сторонился «вульгарного материализма», объяснения всего экономическими явлениями, которые непосредственно влияют на социальные отношения, но слабее на политические явления. Еще меньше их воздействие на явления духовной культуры, кои «многообразны, с трудом поддаются обобщению и до сих пор изучаются не с точки зрения исторической закономерности, а с метафизической, эстетической» [5]. Связующим звеном хозяйства и культурной жизни признавались психология, психические типы. Общество подразделялось на группы, и индивидуальности включались в состав высшего целого, психического типа [2, с. 186]. Делящиеся на эгоистов, индивидуалистов, этиков, эстетиков, аналитиков, ряд смешанных характеров, эти типы были выделены на основе анализа классических художественно-литературных образов. Закон статике сводился к тому, что культурный облик общества определяется его психическим складом, типами, которые слагаются под воздействием хозяйственных явлений, устройства общества и государственного строя [4, с. 41–42].

Несмотря на фундаментальное значение статике, автор признавал ее задачу «сугубо формальной» в противовес «реальной» задачи динамики. Последняя «берет весь процесс исторического развития каждого общества и сравнивает его с процессами развития других обществ, чтобы путем этого сравнения и на основе выводов статике построить законы общественного движения» [4, с. 9]. Официально историк не сводил социальную динамику непосредственно к исторической науке. Но на практике он допускал их взаимное слияние. На момент начала написания «Русской истории» он признавал, что реальная исторически обоснованная социальная динамика почти совершенно не разработана в отличие от статике [5, с. 7].

Ключевым моментом «динамики» оставался вопрос о характере общественного развития. Историк подчеркивал неразрывную связь внешней (монистической) причинности с причинностью внутренней (эволюционной). Понятием «эволюция» он предлагал заменить устаревший термин «диалектика» [3, с. 61]. Признавая скачки, в ходе которых количественные изменения пре-

вращаются в качественные, Рожков настаивал на плавном переходе от одной эпохи к другой. Он стремился оставить в стороне вопрос о взаимных отношениях и борьбе, а отмечать соотношение старого и нового в истории. В социальной сфере он ограничивался констатацией факта классово-сословного устройства общества: деление сословий в противоположность экономическим в своей основе классам шло по юридическому критерию. Термин «классовая борьба» использовался в основном в демонстративных целях.

Основной закон «динамики» устанавливал принцип постоянной эволюционной последовательности периодов в истории всех отдельных народов. Для ее обнаружения требовалось выйти за пределы одной страны. Рожков не принадлежал к историкам, которые ограничивали свою исследовательскую деятельность исключительно национальными рамками. Уже в начале XX в. им предпринимались попытки сравнительно-исторического изучения, выделения совокупности сходных явлений в истории разных народов на одинаковых ступенях развития и поиск причин этого сходства, логическим завершением чего позже стала двенадцатитомная «Русская история» (1919–1926). Подобно П.Н. Милюкову в сравнительном методе Рожков изначально видел средство выявить черты сходства и различия России с Западной Европой. Реальной целью стало разрушение теории единого всемирно-исторического процесса, которую поддерживали сторонники неокантианского учения Г. Риккерта, полагавшего, что ни одно событие не повторяется (отрицая возможность исторической закономерности) [5, с. 11]. Рожков не признавал возможным приложение идеи закономерности ко всему человечеству, взятому в целом, в противоположность Н.И. Карееву, отмечавшему, что историю нельзя рассматривать как сумму отдельных стран и народов, ибо судьбы их переплетены между собою, а постепенное единение их – суть закономерности развития [6]. Отказ от всемирно-исторической точки зрения в трудах Рожкова, как и ряда других представителей позднего или критического позитивизма (П.Н. Милюкова, Р.Ю. Виппера), был ответом и классическому учению О. Конта о трех стадиях общечеловеческого развития, и марксизму с его идеей необратимой, прогрессивной смены нескольких формаций. Ответом и популярной на три периода ойкосной концепции К. Бюхера, делившего всю историю на три периода с господствовавшей в каждом из них одной, «индивидуальной» формой хозяйства. Рожков разделял положения, совпадающие с учением Дж. Вико о «трех веках» в истории всех народов. Окончательное теоретическое обоснование было найдено в трудах Эд. Мейера. Признавая предметом истории не отдельную нацию, культуру, а вновь же всемирную историю, Мейер, по словам Рожкова, подобно мольеровскому Журдену открыл закон повторяемости черт эволюции древнего мира в процессе развития новых народов, но не осознавал, что он его открыл [7]. Отдельное внимание Рожков уделил осмыслению идеи Мейера Р.Ю. Виппером, отыскавшим в древнем мире смену семи культур, кои «нельзя вытянуть в одну всемирно-историческую цепь» [7, с. 249]. Сравнение этих культур с культурами европейскими приводило к мысли о том, что в разное историческое время они переживали одинаковые периоды развития. Попытки выделения этих стадий отразились в периодизации, первый вариант которой был представлен уже в раннем «Кратком очерке социологии» [4, с. 82–87]:

1. Период преобладания добывающей промышленности, первобытного скотоводства при сохранении натурального хозяйства, господства вольного и захватного землевладения, домашней формы хозяйства и экстенсивной техники, сравнительно равномерного распределения благ. Отсутствие классово-сословной дифференциации, неорганизованность средств государственного

управления. Психологическая аморфность без сложившихся психических типов и духовное заимствование у более культурных народов.

2. Период сохранения натурального хозяйства с появлением среди социальных верхов внешней торговли, сельского хозяйства среди низов. Начало формирования классов и сословий; складывание основных типов государств – феодального королевства и аристократической республики. Складывание первых психических типов, попытки оригинальной переработки культуры прошлого и новых приобретений.

3. Период зарождения и первоначального развития денежного хозяйства, сословной земельной собственности, крепостничества. Обособление на «свободных» и «несвободных»; смена вотчинного принципа в политике идеей «общего блага». Образование разнообразия в психологии, искусстве и науке.

4. Период расцвета денежного хозяйства с преобладанием обрабатывающей промышленности в одних странах и земледелия в других, укрепления вольнонаемного труда и интенсивной техники производства. Падение сословных перегородок при обострении классовых различий. В политике – усвоение идеи «общего блага». Укрепление психического и культурного разнообразия.

Чрезмерная абстрактность схемы вызвала необходимость большей конкретизации и исторической обусловленности, создания полноценной схемы социальной динамики. Это предопределило разработку более широкой периодизации, нашедшей отражение на страницах главного научного наследия Рожкова. Основной особенностью второй попытки стало стремление привести в эволюционную последовательность относительный элемент диалектики в виде исторических революций. Однако оригинальная трактовка понятия «революция» связывала его не столько с конкретным событием, но с весьма продолжительным отрезком времени, целой эпохой. В окончательном варианте в истории он выделял девять периодов: первобытное общество, общество дикарей, варварское общество, феодальная революция, феодализм, дворянская революция, старый порядок, буржуазная революция, капитализм [5, с. 21–22].

Рожков устанавливал характерную для всех народов связь ступеней по принципу их возрастающей сложности и разнообразия: «Чем примитивнее период, тем более сходно его течение в разных культурах» [5, т. 6, с. 275]. В этом отношении наименее оригинальные варианты развития – отличительная черта первых двух периодов, которые, по логике ученого, можно отнести к протоистории, времени «крайне медленного и бессистемного накопления отдельных приобретений». Однако и в этом накоплении автор сумел подметить некоторые закономерности и переломы, поворотные пункты, органические и критические этапы. В частности – мезолитическую «революцию», приведшую к дифференциации первобытных орудий, психически-эмоциональных ассоциаций, возвысивших людей над животными. Двум органическим периодам жизни дикарей (матриархату и патриархату) противопоставлялись промежуточные критические периоды начала приучения животных и появления мотыжного земледелия [5, с. 38–44, 72–75].

Поистине сравнительное изучение и поиск общих законов начинается в работе с эпохи варварства. Историк проводил прямые параллели между Русью VI–IX вв., германцами Тацита, кельтской Британией, доисламской Аравией, Египтом (5000–2900 гг. до н.э.) и Элладой (XI–VIII вв.). Однако, несмотря на стремление опираться на конкретные данные, Рожков все же допускал не вполне обоснованные предположения. Это видно из заочного включения в общую «картину» следующих примеров: «Мы знаем, что эгейская, ассирийско-вавилонская, японская культуры переживали период варварства, хотя не можем иллюстрировать это необходимым количеством данных» [5, с. 145]. Прием

чрезмерного обобщения приводил к дословному отождествлению имеющихся существенные отличия институтов и образований, в частности, древнеегипетского нома, германской марки, задруги и верви славян [5, с. 122]. Сравнительный анализ привел к игнорированию многих отличий в жизни различных человеческих цивилизаций на дофеодальной ступени вопреки особенностям, обусловленным изначальными природными свойствами каждого исторического региона. Тогда как самим автором признавался факт существенного воздействия природной среды на жизнь общества именно на самых ранних стадиях.

Но, по его собственным словам, «чем дальше мы идем вперед, тем больше своеобразий попадаетеся на пути, тем чаще они встречаются и тем больше внимания необходимо им посвящать» [5, с. 439]. Это видно уже из характеристики феодальной революции, подготовившей переход власти в руки земледельческой знати и обусловившей черты следующей за ней непосредственно феодальной эпохи. В своем понимании феодализма Рожков стоял ближе к классическому определению Ф. Гизо (принцип совмещения государственной власти и власти над землей, условный характер земельной собственности). «Феодализмом, – писал он, – называется общественный порядок, при котором землевладельцы пользуются на своей земле по отношению к людям, на ней живущим, правами, позднее перешедшими к государству» [8]. В соответствии, со степенью достижения эталонных критериев по концепции Рожкова выделялись две группы культур – с незаконченным, недоразвитым процессом «революции» (Русь X–XII вв., Литва, балканские славяне) и с полным ее завершением (держава франков, саксонская Англия, Египет накануне Древнего царства, Персия, Израиль, Китай и даже древнеамериканские культуры) [5, с. 440]. Подобно М.Н. Покровскому Рожков придерживался теории «торгового капитализма», основные признаки которого проявились уже в развитую феодальную эпоху и особенно на момент кризиса феодализма, знаменуя начало экономического переворота, перехода от натурального хозяйства к денежному. Ввиду этого отсталой рассматривалась Северо-Восточная (Московская) Русь XIII – середины XVI в., отличавшаяся сохранением недоразвитых форм, натурального хозяйства, по-прежнему условного временного поместного владения, не превратившегося с ходом эволюции в наследственное и отчуждаемое. В поисках причин этой специфики Рожков невольно возвращался к старой теории колонизации С.М. Соловьева, полагая, что в отличие от России в Западной Европе «вредное хозяйственное влияние бенефиция и монастырского землевладения» не могло, за отсутствием свободных территорий, вызвать уход населения, запустение и упадок земледелия. На Руси же поместье и монастырская вотчина, разоряя население, вызывали его отлив на окраины [5, т. 2, с. 251]. Признавая «отсталость», Рожков не усматривал особого русского исторического пути, однако констатировал, что местный тип феодализма оставался почти без повторений. На его фоне также «недоразвитый» феодализм соседнего Великого княжества Литовского ушел далеко вперед [5, т. 2, с. 251]. Развитыми, на его взгляд, были и многие аналоги на Древнем Востоке, особенно в Египте, в котором, как и в позднесредневековой Франции и Англии, по мере приближения ко второй половине III тыс. до н.э. наблюдался заметный рост торговли [5, т. 2, с. 235]. Отдельное внимание уделялось более развитому «муниципальному» феодализму, который отличался преобладанием транзитной внешней торговли, аристократической формой правления, при этом прикрытой демократической ширмой (Афины, Рим, итальянские города-государства, Ганза, Новгород) [5, т. 2, с. 361–368].

Подчеркнув многовариантность, специфику становления и развития феодализма в отдельных странах, автор фактически нивелировал ее при освещении самой разнообразной сферы человеческого общежития. В обществен-

ной психологии всех народов в ходе феодальной революции происходит плавный переход от психической аморфности, бесформенных комплексов в сторону первых психических типов. У Рожкова феодальная психология во всех отсталых и развитых культурах без исключения – психология эгоистическая, основанная лишь на страхе за жизнь, собственность и власть (особенно за власть над своим феодалом, доменом). Дальнейшее развитие феодализма привело к незначительным метаморфозам – выделению активных (верхи) и пассивных (низы) эгоистов, к появлению немногочисленных этиков (представители духовенства, еретики, интеллигенция). Конец эпохи, совпавший с ростом торговли, политической консолидацией, привел к формированию смешанного типа эгоистов-индивидуалистов. Хотя черты этого типа, как и «узкая феодально-ленная замкнутость сознания» эгоистов выводились из феодализма, из «широты прав» сеньоров, приводивших к росту самолюбия [5, т. 2, с. 139].

Рассматривая следующую эпоху, Рожков вывел еще одну закономерность – постепенное ускорение темпов развития материальной и духовной культуры и соответственно быстрее протекание этого и дальнейших периодов. Тем не менее «революция» в разных случаях охватывала 100–150 лет. В России, с ее отсталыми формами развития, она продолжалась 175 лет – от Ивана Грозного до Петра I. Ученый осознавал роль дворянства в переходе к торговому капитализму, монархическому абсолютизму и бюрократии, однако неорганично обособил его от старой аристократии, боярства, выделив в качестве отдельного самостоятельного класса, более близкого к богатой буржуазии [5, т. 6, с. 280]. Полностью завершенной «революция» оказалась в Англии, отчасти во Франции, Нидерландах, в античных странах. Иная картина наблюдалась в Германии и Италии, оказавшихся вдалеке от Атлантического океана. Замедленным, но законченным вышел процесс «революции» на Древнем Востоке, где «совладать с ней можно было только с помощью крепостничества» [5, т. 6, с. 279]. В этом виделось сходство с российским «сценарием», по которому верх одержали не аболиционистские тенденции, как на Западе.

Сменивший революцию период абсолютизма, названный по французскому эталону «старый порядок», вызывал меньший интерес ввиду своей непродолжительности. Исключение составляли лишь отдельные древние и античные примеры – Египет Нового царства и ранняя Римская империя. Передовой была признана Англия, в которой старый порядок охватил правление лишь первых Стюартов, а абсолютизм и бюрократия встретили мощную буржуазную оппозицию, выраженную в пуританстве и свободомыслии [5, т. 7, с. 269]. Противоположность представляли собой страны, побежденные в «меркантилистском состязании», – Германия, Италия, Речь Посполитая, Испания. Особое место заняла Россия, в которой старый порядок ограничился лишь XVIII в., но «должен был приспособить массу населения к производственным условиям обширного национального и международного рынка» путем закрепощения. Этот этап развития перерождался в процесс деградации, остановить который могла лишь буржуазная революция. Ее начало связывалось с появлением в хозяйстве первых элементов капитализма производственного, в отсталых странах – со временем, к которому развитие капитализма сделало уже несколько шагов вперед [5, т. 8, с. 244–259]. В России с ее недостаточным развитием индустрии, крепостничеством она началась с реформ 1861 г. и завершилась событиями 1905–1907 гг. Российский капитализм сохранял окраску эпохи первоначального накопления в противоположность зарождавшемуся на Западе «культурному» капитализму, его утонченным формам эксплуатации. Таковым российский капитализм остался и после 1907 г. Тогда как европейские демократические революции и эволюция капитализма до финансовой стадии привели к торжеству «культурного» индивидуализма, жажды познания действитель-

ности, в России сохранялись хищничество, приобретательство, деградировавший эгоистический индивидуализм [5, т. 12, с. 383–384].

Разразившийся в начале XX века мировой финансовый кризис несколько сократил отставание. Экономический спад обострил социальные противоречия и в развитой Англии. В психологии культурный индивидуализм стал вырождаться, принимая болезненные формы и усложняясь стремлением обезопасить себя от грядущих грозных событий мистикой как идейным основанием. В позднем российском капитализме на первый план в духовной культуре выходил декаданс, религиозно-мистическая философия. Порождением кризиса стала мировая война, которая похоронила идею перманентного прогресса, показала ошибочность теории «пирамиды», ставившей текущий момент в ранг апофеоза развития. Для автора война – закономерное завершение исторического цикла. Этот цикл обрывался в огне войн еще на стадии торгового капитализма (Древний Восток), под натиском варваров на пороге капитализма «культурного» (античный мир). В новом мировом катаклизме виделось начало конца на стадии капитализма «зрелого». Но историк призывал «избегать Сциллы оптимистического прекраснотушия и Харибды пессимистической мрачности» [9]. В 1915 г. он писал: «Многовековая картина все большей живучести культур вселяет уверенность в том, что современная культура в силах создать великое будущее, заря которого уже занимается» [10]. Это будущее ассоциировалось не с капитализмом, а социализмом. Его грядущая победа – приход эпохи братства народов, шанс прервать «порочный круг» смены цивилизации варварством. Рожков не расставался с утопической идеей глобальной задачи социализма – слияния этических начал с наиболее прогрессивной чертой капитализма – индивидуализмом, достижения невиданного разнообразия в науке и искусстве [5, т. 12, с. 347]. Единственный путь – социальная революция, «величайший переворот, которого еще не видела история» [11]. Залог победы революции он усматривал в ее распространении на развитые капиталистические государства: «Если бы мы в России попробовали установить социализм, а в мире продолжало бы господствовать капиталистическое хозяйство, наш социализм скоро бы погиб» [11, с. 47]. Октябрьский переворот же рассматривался им как проявление тактики авантюристов, способных потушить «революционное пламя».

Благодаря увеличению числа периодов изначальная схема не изменила свое содержание. Основой оставалась теория закономерной смены натурального хозяйства денежным, социально однородного общества сословным, политической дезорганизации консолидацией, психической аморфности появлением более полноценных характеров. Расширенная схема давала возможность более аргументированно обосновать достоверность концепции, осознать закономерность и специфику, не ограничиваясь условным выделением «больных» и «здоровых» обществ [4, с. 86]. Но схема нередко приобретала механистический характер, вызванный смелыми аналогиями, дословным отождествлением явлений, событий. Так, Рожков фактически проигнорировал особый характер института античного рабства, стерев различия между ним и крепостничеством. Заметна и «кинематографическая быстрота», с которой порой обозревалось развитие народов различных материков и времен. Недостатком схемы явилось и то, что автор не избавил ее от «картины» застоя в разных культурах в течение ряда периодов одних и тех же психических натур либо психической аморфности среди низов от первобытного общества до капитализма. Это сводило к минимуму «многовариантность» развития и делало психический тип понятием вневременным, генезис духовной культуры сугубо психологическим, нежели социально-психологическим.

Создание Рожковым своей концепции явилось значительным вкладом в осмысление вопросов мировой истории, который, к сожалению, не был по достоинству оценен его современниками. Разрабатывая идею об общих закономерностях, автор был нацелен на опровержение старой линейной схемы и идеи закономерности развития всего человечества. Не будучи одиноким в стремлении применить на практике теорию циклизма, он стал едва ли не единственным представителем российского позитивизма, разработавшим столь масштабную и детальную «картину» проявления схожих черт в жизни различных эпох и народов. Он стал единственным, кто попытался подойти к подобной схеме развития с экономико-монистических позиций. Концепция стала попыткой синтеза формационного и цивилизационного подходов при всей чуждости ученого мысли о какой-либо национально-культурной «особенности», теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, чьи «панславистские дифирамбы» не могли возбудить ничего, помимо чувства грубого национализма [5, т. 11, с. 304]. Но неоднозначность позиции самого Рожкова проявляла слабые места его собственной схемы. Порой подменявшая сравнительный анализ модернизация истории вела к дискредитации научного статуса концепции. Нельзя обвинять автора в намеренной механичности обобщений. Их проявления – побочный продукт создания сложного обобщающего труда. Свою роль сыграли спорные теоретические основы, особенно теория «торгового капитализма», позволявшая проследить тенденцию перехода к денежным формам хозяйства. Побочным эффектом ее применения было то, что, признавая особенности и различия в «социальной динамике» разных народов, историк сводил их к развитости либо к отсталости. Многие противоречивые черты созданной схемы развития объяснимы и влиянием взглядов Рожкова-политика. Несмотря на приверженность принципам эволюционизма, он сформулировал теорию критических эпох как шагов на пути к самой великой социальной революции, с которой связывал расцвет человечества. Относясь с недоверием к призванной «обосновать вечность господства буржуазии» теории прогресса, он сам выдвинул теорию прогрессирующего роста «жизнедеятельности» каждого нового исторического цикла, которая способна внушить бодрость и энергию представителям новых культур, стоящих на пороге социалистического будущего. Утопизм в воззрениях историка придал еще более неоднозначный характер концепции. Отвергнув телеологию гегельянцев, он сам пришел к идее конечной цели исторического развития, предопределившей его ход. Связав будущее с единением народов, Рожков повторил теорию Кареева о смене истории отдельных стран историей человечества. И все же эти оговорки не умаляют значения концепции, сводимого не только к постижению общих закономерностей и особенностей пройденных исторических дорог, но также к попыткам предвидения частной и общей перспективы развития в грядущем и осознанию насущных задач в настоящем.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Ленин, В.И.** Аграрный вопрос и современное положение России (Заметки публициста) / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – М.: Издательство политической литературы, 1980. – Т. 24. – С. 163.
2. **Рожков, Н.А.** Психология характера и социология / Н.А. Рожков // Исторические и социологические очерки: сб. ст.: в 2 ч. – М.: Изд. И.К. Шамова, 1906. – Ч. 1. – С. 182.
3. **Рожков, Н.А.** Основы научной философии / Н.А. Рожков. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1911. – С. 102.
4. **Рожков, Н.А.** Основные законы развития общественных явлений (Краткий курс социологии) / Н.А. Рожков. – М.: Скоропеч. А.А. Левинсон, 1907. – С. 16–24.
5. **Рожков, Н.А.** Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): в 12 т. / Н.А. Рожков. – Пг.: Книга, 1919. – Т. 1. – С. 10; Л.–

- М.: Книга, 1930. – Т. 2. – 370 с.; Пг.–М.: Книга, 1923. – Т. 6. – 288 с.; Пг.–М.: Книга, 1923. – Т. 7. – 273 с.; Пг.–М.: Книга, 1923. – Т. 8. – 259 с.; Л.–М.: Книга, 1925. – Т. 11. – 406 с.; Л.–М.: Книга, 1928. – Т. 12. – 396 с.
6. **Кареев, Н.И.** Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / Н.И. Кареев. – СПб., 1903 [Электронный ресурс] / Учебно-методический центр Инновационные технологии в гуманитарном образовании. – Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/history/world/kareev_01.htm. – Дата доступа: 30.05.2005.
 7. **Рожков, Н.А.** История древнего Востока и общие законы развития культуры / Н.А. Рожков // Современный мир. – 1913. – № 9. – С. 248.
 8. **Рожков, Н.А.** Курс всеобщей истории / Н.А. Рожков. – М.: Лит. Г.И. Простакова, 1904. – С. 18–19.
 9. **Рожков, Н.А.** На пороге грядущего / Н.А. Рожков // Современный мир. – 1916. – № 4. – С. 58.
 10. **Рожков, Н.А.** Хозяйство воюющей Европы / Н.А. Рожков // Современный мир. – 1915. – № 2. – С. 73.
 11. **Рожков, Н.А.** Капитализм и социализм / Н.А. Рожков. – М.: Тип. К.И. Меншова, 1917. – С. 31.

S U M M A R Y

The maintenance of this article is dedicated to the objective research and analysis of the specific historical conception created at the beginning of the 20th century by N.A. Rozhkov. Under the influence of critical positivism and Marxism he made an attempt to describe rather peculiar scheme of all world nations' development or «social dynamics». The author has analyzed Rozhkov's great achievement in the old and unperfect «world-history» conceptions refutation. The creation of the article was caused mostly by shortage of literature and rather stereotypical interpretations of Rozhkov's «social dynamics» scheme and conception given by the majority of historyographical investigators.

Поступила в редакцию 10.03.2009